

Людмила Ивановна Горбунова

Иркутский государственный университет, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Иркутск, Россия
e-mail: ludgorbunova@mail.ru

Объективация эмоции «страсть» с помощью метафор природных стихий: лексикографический аспект

Аннотация. Сравнивается концептуализация страсти как непреодолимого влечения к чему-либо и страсти — чувственной любви — в метафорах природных стихий. Установлено полное совпадение как синтаксической, так и метафорической сочетаемости слова *страсть* в указанных значениях, что свидетельствует об одинаковом концептуальном содержании номинируемых эмоций. Данный факт может служить основанием для пересмотра структуры словарной статьи.

Ключевые слова: страсть, концептуализация, лексическое значение, метафора стихий, метафорическая сочетаемость.

Lyudmila I. Gorbunova

Irkutsk State University, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Irkutsk, Russia
e-mail: ludgorbunova@mail.ru

Objectification of the Emotion “Passion” Using Metaphors of Natural Elements: Lexicographic Aspect

Abstract. This paper compares the conceptualisation of passion as an irresistible attraction and passion to something and passion — sensual love through metaphors based on natural elements. A complete coincidence of both syntactic and metaphorical compatibility of the word *passion* in the mentioned meanings was established, which testifies to the same conceptual content of the nominated emotions. This fact can serve as a basis for revisiting the structure of the dictionary article.

Keywords: passion, conceptualisation, lexical meaning, metaphor of natural elements, metaphoric compatibility.

Введение (Introduction)

Эпиграфом можно было бы выбрать слова С. Логинова: «Таким владыка полумира являлся во всём: неумеренным не только в еде, но и в страсти к женщинам, власти, славе и, благодарение Богу, наукам» [1].

Эмоции становятся объектом лингвистического исследования во второй половине XX в. Так, в 1987 г. В. И. Шаховский в своей работе «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» вводит понятие эмотивности [2] и формулирует основные подходы к исследованию эмоциональной сферы. На данный момент одной из основных методологических установок при изучении эмоций является то, что они есть объект отражения в языке, с одной стороны, и средство отражения самих себя и других объектов действительности, с другой, при этом они неотделимы от отражающего субъекта. Это теоретическое положение обусловлено антропоцентричностью современных гуманитарных наук.

На данный момент ученые уже очень многого достигли в постижении окружающей действительности, однако

внутренний мир человека во многом до сих пор остается загадкой. Несмотря на то что психологи активно исследуют эмоции, человечество так и не научилось до конца понимать свои желания и управлять эмоциями. Исследование эмоций — явлений, обладающих личностной значимостью, — поможет лучше узнать и понять человека, его способ видения не только окружающего мира, но и мира внутреннего. В настоящей статье изучается одна из наиболее сильных эмоций — страсть.

Существительное *страсть* в русском языке отражает довольно широкий спектр смыслов, зафиксированных в толковых словарях, что подробно проанализировано в [3]. Отмечается, что само смысловое поле «Страсть» довольно сложно по структуре, его элементы связаны непростыми и не всегда однозначно толкуемыми отношениями. Именно данный факт, на наш взгляд, есть причина того, что в многообразных лексикографических источниках семантическая структура слова *страсть* интерпретирована различным образом, что проявляется в разном количестве выделяемых

© Горбунова Л. И., 2024

Для цитирования: Горбунова Л. И. Объективация эмоции «страсть» с помощью метафор природных стихий: лексикографический аспект // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 100–105. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-100-105

значений и их оттенков, в разных способах отождествления этих оттенков. Общим в представлении страсти в толковых словарях является то, что везде выделяется отдельное значение 'сильная любовь с преобладанием чувственного влечения'. А вот значение 'крайнее увлечение, пристрастие к чему-нибудь' трактуется либо как отдельное значение [4], либо как оттенок значения 'сильная увлеченность чем-л., отдача всех своих душевных сил какому-л. делу, занятию; страстность, пыл' [5], в чем, на наш взгляд, неправомерно проявляется не только «гибридизация» эмоции и желаний» [3, с. 11], но и смешение собственно эмоции и характеристики действия, совершающегося с большим рвением, воодушевлением.

В нашей работе мы сосредоточимся на решении следующей проблемы: являются ли сильное чувство, с трудом управляемое рассудком, и сильная любовь с преобладанием чувственного влечения разными чувствами и, соответственно, нуждаются ли эти состояния в отдельной фиксации в словаре? Именно этот лексикографический и когнитивный акцент обуславливает новизну нашей работы на фоне других исследований, посвященных описанию страсти как концепта или фрагмента национальной или авторской картины мира [6; 7; 8].

Методы (Methods)

Для решения поставленной задачи необходимо смоделировать представление о страсти в языковой картине мира русского человека, понять, как им осмысливается данное нематериальное явление. Познание того, что находится за пределами чувственного восприятия, часто происходит через объективацию — представление материально не выраженного через материально выраженное. Объективация эксплицируется в метафорической сочетаемости имени эмоции. Анализ такого рода сочетаемости методологически обоснован [9] и апробирован в большом количестве работ.

Материалом исследования послужили контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [10], включающие слово *страсть* (около 4000 контекстов) в метафорической сочетаемости, которая позволит выявить значимые для концептуализации эмоции признаки. Нами рассматриваются контексты, в которых *страсть* объективируется через сравнение с природными стихиями. Такое сопоставление вполне естественно, так как в природе важным компонентом являются стихии, а в жизни человека — эмоции. Эмоции составляют внутренний мир каждого человека, его характер, стихии составляют внешний мир, общий для всех людей; через языковое выражение эмоций мы познаем человека как личность, через явления стихий познается природа; эмоции — это неуправляемые и неконтролируемые явления, природные стихии также неподвластны человеческой воле. Поэтому естественно, что при необходимости объективировать эмоции для того, чтобы лучше понять их содержание, в качестве области-источника часто выступают знания человека о природе, которые он получает в результате чувственного познания окружающей действительности.

При отборе контекстов учитывалась также и синтаксическая сочетаемость слова *страсть*. Согласно словарям,

страсть как сильная любовь направлена на мужчину или женщину, что обосновывает включение в толкование компонента 'физическое влечение', а *страсть* как пристрастие к чему-нибудь также направлена на объект, но он чаще неживой (часы, автомобиль) или абстрактный (наука, свобода, защита правды, литература). На свойство страсти быть направленной на объект указывают и специальные словари, например: *страсть* 'сильное, стойкое, всеохватывающее чувство, доминирующее над другими побуждениями и приводящее к сосредоточению всех устремлений и сил **на предмете страсти**' [11] (выделено нами. — Л. Г.). Направленность чувства на объект отражается в синтаксическом поведении имени эмоции: оно участвует в конструкции *страсть* + *к* + *Dat*. Такого рода сочетаемость позволяет разграничить *страсть* как собственно чувство, с трудом управляемое рассудком, и крайнюю степень проявления чувств или высокую эмоциональность некоторой ситуации (*страсти разгорелись, говорил со страстью*).

Для целенаправленного анализа концептуализации страсти как чувственного влечения и страсти как сильного пристрастия к чему-либо в контекстах произведена маркировка *страсть*¹ и *страсть*², а элементы контекста, позволяющие разграничить эти значения, выделены подчеркиванием.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Начнем решение поставленных задач с обращения к доказанному тезису о том, что «значение не дано в тексте в явном виде, поэтому, если мы хотим найти объективную процедуру установления и классификации значений, мы должны опираться на такие свойства текста, которые даны нам в прямом наблюдении и достаточно полно отражают интересующие нас, но скрытые от прямого наблюдения семантические свойства» [12, с. 23–24]. Анализ метафорической сочетаемости *страсть* + *к* + *Dat* позволил сделать выводы о следующих признаках эмоции.

1. *Страсть* — интенсивное по степени проявления чувство, что обнаруживается в частотности конструкций «*страсть* + слово, в значении которого имеется компонент 'высокая степень интенсивности'»: *горячая, пламенная, пылкая, бурная, могучая, кипеть, бушевать, обуревать, буря, ураган, жар, пыл, пламя, накал*.

2. Характерной чертой страсти на фоне некоторых других интенсивных чувств, например ужаса, является неразрывная связь ее переживания с высокой температурой, что имеет под собой чувственную, физиологическую основу.

В русском языке это эксплицируется в характерном соседстве имени эмоции с различными «огненными» эпитетами:

...*На бурные порывы его любви она не отвечала взаимностью и взамен пылкой страсти¹ предлагала ему идеальную дружбу, нежность старшей сестры* (А. Н. Анненская);

Именно беднейшие любители зарубежных машин зачастую питают пылкую страсть² к большим автомобилям и известным маркам (И. Твердунов);

Женился на казачке, такой Ганке. Добро бы с приданным, ан нет: по любви. По горячей страсти¹ на полуграмотной казачке (Б. Васильев);

Он любил семью, ненавидел шумахеров и корфов, но над всеми его чувствами возвышалась **пламенная страсть**² к науке, просвещению, словесности, стихотворчеству (Ю. Нагибин).

В процессе отбора материала оказалось, что в НКРЯ существует 117 контекстов, в которых страсть осмыслена через образ пламени (*пламенная страсть*). Наличие многочисленных аллюзий на поэму М. Ю. Лермонтова в речи говорит о том, что в метафорической модели «**страсть — это пламя**» сущность эмоции отражена наиболее точно, о чем свидетельствуют и частотные метафоры, эксплицированные словами *разгореться, разжигать, пылать, воспылать, пыл, жгучая, жигающая, горячая*.

Однажды, во время сильнейшего **пыла** его **страсти**² к *вещам*, я подошел к его столу и разбил нечаянно пустой разноцветный флакончик (Л. Н. Толстой);

Нет, это не *любовь*, это **страсть**¹ безумная, это **пожар**, в котором я весь **горю** (В. Гаршин);

С ранних лет я охвачен страстью к *книге*, и эта **страсть**² **будет гореть** во мне до конца моих дней (Ф. Гладков);

Что еще сильнее **разожгло** его **страсть**² к *свободе* (Э. Розенталь);

Как бы Фауст ни **пылал страстью**¹ к *Гретхен* и ни пользовался магическими способами усилить свою потенцию... (М. Эпштейн).

Именно через метафору высокой температуры раскрывается отличие страсти от других чувств:

И глаза у них одинаковые, но у Лены они излучают **тепло и ласку**, а у Киры — **огонь и страсть** (А. Маринина).

Исчезновение страсти концептуализируется как снижение температуры:

Тем более, что 30-летний «близкий друг»... как-то неожиданно прозрел и **охладел** в своей странной **страсти**¹ к... *50-летней* (А. Г. Колмогоров).

Кроме того, страсть объективируется в виде жидкости, нагретой до высокой температуры:

Страсть¹ **кипела** во мне, и я не хотел отпускать *девушку*, да и ей не хотелось покидать компанию (А. Макаревич);

Неукротимый дух древних Кораблей **кипел** в человеческой крови **страстью**² к *мщенику* и *тоской по красоте* (А. Иванов);

Влюбился!.. Влюбился... и бегал я за своей *красавицей*, *поистине сказать, как мартовский кот*... Толкуешь о политике, о разных общественных вопросах, о рабочих союзах, о стачках, о всякой белиберде, а у самого **страсть**¹ **так и клокочет** (П. Засодимский);

Но и за ту жившую и *клокотающую* в обоих **страсть**² к *литературе и политике*... (Ю. Болдырев)“.

Представляют интерес метафоры, связанные со льдом. Известно, что русской языковой картине мира эмоциональ-

ное в человеке передается через метафору высокой температуры (*пылкая страсть, кипеть от гнева, горячая любовь, пламенный взгляд*), тогда как бесчувственное, рациональное передается через метафору низкой температуры (*холодный ум, холодное сердце, холодный расчет*). Несмотря на то что лед в сознании человека представляется как нечто холодное, а следовательно, бесчувственное, оказалось возможным употребление сочетаний *страсть и холодный* ‘бесстрастный’ в одном контексте (*морозная страсть, холодная страсть, ледяная страсть*). Следует сказать, что данные сочетания, как правило, встречаются в названиях художественных произведений, фильмов, песен, стихотворений. Используя в названиях произведений оксюморон, автор стремится подчеркнуть, что рациональное начало страсти является парадоксальным, что только подтверждает сделанные ранее выводы и дает нам основание говорить о том, что страсть, в норме неся в себе изначально эмоциональное начало, противопоставлена разуму.

Показателен тот факт, что среди самых частотных коллокаций со словом *страсть* 2-е место занимает *кипеть* (частотность 296), 4-е место — *накал* (150).

3. Страсть подвижна. Именно этим свойством обосновывается то, что не обнаружено метафор с областью-источником *земля*. Земля как природная стихия статична, неподвижна, она ассоциируется с опорой и стабильностью и противопоставлена бесформенным, часто не имеющим границ, активным, слабо контролируемым огню, воздуху и воде.

Возникновение страсти чаще всего представлено через метафору внезапного возгорания, затопления или сильного порыва ветра:

*Отсутствие дочери, отведенной к теще, давало им возможность без конца утолять **животную, дикую страсть**¹, **вспыхнувшую от горя*** (О. Славникова);

*Все помнят **золотую калифорнийскую лихорадку**. (Рецидив этой **страсти**² **недавно вспыхнул опять**)* (В. Песков, Б. Стрельников);

*После этого он обратился к поэзии: «Нам нужны сотни поэтов, способных **зажигать страсть**² и волю к **подвигу**», — писал он* (Н. Н. Берберова);

*Благодаря креслу в этом театре у Игоря и **вспыхнет** тогда всепоглощающая **страсть**² к **опере*** (В. М. Недошивин);

*Как в тот раз, когда он пал **перед ней** на колени, замирая и задыхаясь от внезапно **нахлынувшей страсти**¹* (И. С. Тургенев);

*Он **слабой рукой** поглаживал бутылку, **как женщину после близости**, когда первый необузданный **порыв страсти**¹ утолен* (Ф. Искандер);

*...Осмелюсь заметить, с прозой — да и с поэзией — такое случается исключительно в **порыве страсти**² к **какой-нибудь реальности*** (К. Чуковский).

Внезапность возникновения чувства часто связывается с его непродолжительностью. Спад или же исчезновение эмоции связано с постепенным затуханием или отливом:

*...В сердце Минкиной **потухшая** к **нему страсть**¹ **не перешла в ненависть**, как это было относительно других ее фаворитов... (Н. Э. Гейнце);*

¹ Министерством юстиции РФ А. Макаревич признан физическим лицом — иностранным агентом.

² В языке существует ряд обозначений других эмоций, переживание которых связано с повышением температуры тела или ощущением ожога при столкновении с ними (см., например: [13]).

В настоящее время всеобщая **страсть**² к сокращению слов мало-помалу **потухла** (К. И. Чуковский);

И уже, наверно, были бы, не случись с его давней пассией, окрутившей Стаса, еще **догоравшего** бесплодной **страстью**¹ к Алле Викторовне, несчастного случая, после которого ребенок не появился на свет (Е. Маркова);

Моя безумная, бешеная **страсть**¹ **палила женщин**, как солому, и нередко так же быстро **прогорала** (А. Бестужев-Марлинский);

Возможно, теперь, когда **страсть**¹ **схлынула**, все его восхищение пропадет. Он увидит, как она **немолода** (П. Акимов).

Сочетание имени эмоции с глаголами несовершенного вида дает нам основание считать, что переживание страсти — это достаточно длительный процесс:

Любить любовью, в которой **преобладает чувственность**, это — постоянно **пылать страстью**¹ и **постоянно** страдать от неутолимой жажды желаний (П. И. Ковалевский);

Он **пылал страстью**² к литературе (М. А. Булгаков);

Не все замыслы Крах отличались таким размахом и так **кипели страстью**² к спасению человечества (Г. С. Зеленина).

Наличие сочетаний слова *страсть* с глаголами совершенного вида свидетельствует о том, что страсть понимается как ограниченный абстрактным внутренним пределом целостный акт. Состояние, в котором находится человек под воздействием страсти, понимается как длящееся, но доходящее до предела: страсть возникнет, а после закончится, исчерпав себя:

Может быть, он прочтет эту тетрадь в уединенном кабинете прекрасной даме, которой доселе он говорил: «Люблю вас» — только взорами. И **румянец страсти**¹ **загорится** на щеках его, и голос его задрожит будто волнением души (А. А. Бестужев-Марлинский);

Русин, юноша с чистым, непорочным сердцем, увидел в уединенных прогулках своих младую Инну, Инна увидела Русина, и в душах их **воспалился пламень первой страсти**¹ (Г. П. Каменев);

Он **воспылал страстью**¹ к моей соседке, 20-летней девушке, и приставал к ней невероятно (Н. Катерли).

Наличие сочетаний «страсть + гл. сов. вида испариться (испаряться ‘обращаться в пар; выделяться в виде пара’), выкипеть (выкипать ‘кипя, обращаться в пар, испаряться (о жидкости)’» подтверждает вывод о предельности эмоции. Кроме того, семантика глаголов включает информацию о том, что в результате воздействия высокой температуры вода в ее жидком, естественном состоянии перестает существовать, от нее остается лишь пар, с которым связывается идея исчезновения. Таким образом, страсть недолговечна:

Не выкипела страсть¹ тебя любить, / **Не накипела страсть**¹ любить другого («Опять сию одна на берегу...»).

Страсть, с одной стороны, концептуализирована в языке как процесс, не ограниченный во времени, а с другой, это нарастающее чувство, стремящееся к пределу и часто достигающее его:

И, пожалуй, самую центральную идею выражают его слова: «Вы никогда не станете богатым, если не **доведете до кипения страсть**² к деньгам!» (А. И. Осипов).

4. Страсть концептуализируется как губительное и разрушительное явление. Деструктивность — это один из наиболее ярких признаков страсти. Это горячая жидкость (лава), которая разрушает всё на своем пути, это всепоглощающий огонь, превращающий преграды в пепел, это червь, огонь, живущие внутри человека и причиняющие вред только ему, сжигая и грызя его душу.

Всё, о чем так любят болтать поэты, чем так легкомысленно **играют женщины**, в чем так стараются притворяться **любовники**, — как расплавленная медь, над которой и самые пары, не найдя истока, зажигаются пламенем. <...> **Пылкая и могучая страсть**¹ **катится как лава**; она увлекает и **жжет все встречное**; разрушая сама, **разрушает в пепел** препоны; и хоть на миг, но **превращает в кипучий котел** даже холодное море (А. А. Бестужев-Марлинский);

Я мало жил, и **жил в плену**. Таких две жизни за одну, но только полную тревог, я променял бы, если б мог. Я знал одной лишь думы власть, — одну, но **пламенную страсть**²: она, как червь, во мне жила, **изгрызла душу и сожгла** (М. Ю. Лермонтов).

В сознании русского человека страсть объективируется через различные разрушительные природные явления, связанные с движением воздуха, — ураган, бурю, которые характеризуются чрезмерной силой.

Представляет интерес для нашего анализа сама система значений слова *буря* («Ненастье, сопровождаемое сильным разрушительным ветром, часто с дождем или снегом. || перен. Сильное душевное волнение. || перен. Чрезвычайно сильное, бурное проявление чего-л.»; толкование по: [14, с. 127]), которые эксплицируют устойчивую для русской языковой картины мира метафору, связывающую разрушительную силу ветра во время бури во внешней среде с разрушительной силой эмоций внутри человека, при этом важно, что актуализируется именно интенсивность чувства. Когнитивное основание для сопоставления страсти с бурей вполне очевидно, так как буря характеризуется разрушительностью и интенсивностью проявления, а данные признаки являются одними из ключевых характеристик страсти:

Известно, ты **обуреваем страстью**¹... где тебе о сестре думать! Да в отношении к другой особе, что, ты думаешь, убивши философа, ты дела свои поправишь? (И. С. Тургенев);

Сложная динамика форм этих причудливых созданий природы, отвечая вкусам эпохи барокко, ассоциировалась в сознании **обуреваемого страстью**² к путешествиям европейца с чудесами и богатством недавно открытых земель (Т. Акимова).

На основе анализа сочетания *бурная страсть* можно сделать вывод, что страсть — это сильное, стремительное, интенсивное явление, процесс протекания которого происходит с большой степенью напряженности (*бурный* ‘1. С бурей, с бурями. 2. перен. Полный различных событий, волнений. 3. Бушующий, бурлящий. || перен. Проявляющийся с чрезмерной силой; буйный, неистовый. || перен.

Протекающий в столкновениях, в борьбе (мнений, положений). 4. Стремительно развивающийся¹ (толкование по: [14, с. 126]):

Как противоположна была ее тихая, самозабывающаяся любовь с моею прихотливою, бурною, полною эгоизма страстью¹! Она трепетала как листок от моих порывов; она таяла как снег, сквозь который проникает лава (А. А. Бестужев-Марлинский);

Но иногда его охватывала бурная страсть² с ранне-го утра до ночи возиться по хозяйству (Ф. В. Гладков).

Представленная в контекстах метафорическая модель «страсть есть ураган» отражает силу страсти, которая понимается как разрушительное стихийное бедствие, здесь подчеркивается ее интенсивность и деструктивность:

Оба скоро успокоились и считали, что дешево отделались от урагана страсти¹, чуть не разбившей их семейную жизнь (Н. А. Тэффи);

Но постепенно меня словно ураганом охватывала страсть² к музыке (Хулио Иглесиас под кремлевскими звездами).

5. Страсть — это всепоглощающее чувство. Проанализировав контексты, в которых слово *страсть* сочетается со словами, обозначающими различные виды водоемов (*омут, болото, море, океан*), мы сделали вывод, что эмоциональное состояние *страсть* может видеться как некое водное пространство, куда помещается человек:

Морю он противопоставляет страсть¹, по тогдашним (и всегдашним!) понятиям — морей морейшее (М. Цветаева);

Я вовсе не был новичком в плавании по океану страсти¹ на галере под флагом богини Венеры (В. Брюсов);

Любовь подчиняет, ломает характер, ломает психику, меняет жизнь. Она затягивает в омут страсти¹, где холодно и одиноко (И. Туманова);

И очень скоро этот проблеск лучшего сознания оказался только обманчивым огоньком над тем болотом плотских страстей¹, которое понемногу втянуло в себя столько благородных и вдохновенных душ (В. С. Соловьев).

Следует отметить, что не все виды водоемов задействованы в модели «страсть — это водоем». Отсутствие в процессе номинации таких природных объектов, как река, ручей, озеро, говорит о том, что свойства, характеризующие эти водоемы, не соотносятся с признаками страсти. Так, река, ручей и озеро, по-видимому, мыслятся как относительно небольшие объекты, а море и океан, напротив, характеризуются масштабностью, необъятностью. С представлением о масштабном водном объекте, имеющем огромную глубину, коррелирует метафора в следующем примере:

Все это как веянье новой весны, новой, кипящей из темнейших глубин страсти² к жизни и к солнцу! (М. А. Кузьмин).

Употребление слов *омут* и *болото* высвечивает другой признак страсти — способность затягивать, при этом страсть владеет всеми желаниями человека и парализует сознание, т. е. человек оказывается неспособным мыслить разумно.

Заключение (Conclusion)

В ходе исследования выяснено, что в языке страсть объективируется через подвижные, неконтролируемые природные стихии (огонь, вода, воздух). Обнаружено, что страсть концептуализируется следующим образом:

- она протяженна во времени;
- динамична;
- неконтролируема;
- имеет всепоглощающий характер;
- способна проявляться с предельной степенью интенсивности;
- деструктивна;
- сопровождается ощущением повышения температуры.

Состояние, когда человек находится во власти страсти, противопоставляется обычному, спокойному состоянию, именно поэтому страсть соотносится с отрицательной зоной аксиологической шкалы.

Исследуя способы языковой объективации страсти, мы обнаружили, что в каждом типе контекстов, содержащих определенный вид метафоры, используется как *страсть¹*, так и *страсть²*. Это говорит о том, что состояния, выделяемые словарем как разные, концептуализируются носителем языка одинаково. Различия в денотативных ситуациях проявления страсти — чувственной любви и страсти — крайне сильного увлечения чем-либо обусловлены различиями объекта страсти. Концептуально же эмоции в этих ситуациях не отличаются. Данный факт подтверждается и тем, что в контекстах слово *страсть* может одновременно называть как любовь с преобладанием физического, так и всепоглощающее увлечение чем-либо:

В них страсть^{1,2} кипит, но рассудок вечно недоволен. Многие для рассеяния погружаются в омут бурных наслаждений, иные делаются распутными, другие картежниками (В. А. Соллогуб);

По вполне заслуживающим доверия данным, Ильхам Алиев имеет две, но пламенные страсти^{1,2} — прекрасный пол и азартные игры (А. Алексеев);

Во все глаза смотрел, когда на дне лотка заблестят золотые крупинки. Страсть² к золоту оказалась тяжелее заповей. Она была сравнима со страстью¹ к женщине (А. Купер).

Данные факты дают основание признать обоснованной единую трактовку страсти как чрезвычайно сильной эмоции, доминирующей над всеми чувствами, направленной на объект, принятой в психологии, и пересмотреть способ описания существительного *страсть* в толковых словарях.

Библиографический список

1. Логинов С. Драгоценнее многих (Медицинские хроники) // Наука и жизнь. 2008. № 2. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/12982> (дата обращения: 23.04.2024).
2. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 208 с.

3. Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Лингвокультурный смысл «страсть» в лексикографическом дискурсе // Русистика без границ. 2023. Т. 7, № 3. С. 7–13.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1988. Т. 4. 800 с.
6. Мамедов А. А., Кокоурова Е. А. Изменение сочетаемости лексем *страсть* и *прелесть*: лингвокультурологическое описание // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 270–281. DOI: 10.17223/18137083/84/19
7. Федоринчик А. Н. Метафорическая репрезентация *страсти* в поэтическом дискурсе В. Брюсова и Б. Пастернака // Вестн. Белорус. гос. пед. ун-та. Сер. 1 : Педагогика. Психология. Филология. 2021. № 4 (110). С. 78–81.
8. Маркина М. В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 104 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС, 2004. 256 с.
10. Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.04.2024).
11. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск : Харвест, 1998. 800 с.
12. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М. : Наука, 1967. 251 с.
13. Клобуков П. Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М. : Филология, 1997. Вып. 2. С. 41–47.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.